

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ ФИЛОСОФИЙ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-39-56

УДК 101.2; 101.8

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СИБИРСКОЙ ФИЛОСОФИИ: PRO ET CONTRA

Илларионов Григорий Андреевич,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии

Сибирского федерального университета,

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

ORCID: 0000-0002-1676-3796

bromov1917@yandex.ru

Кудашов Вячеслав Иванович,

доктор философских наук, профессор,

заведующий кафедрой философии

Сибирского федерального университета,

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

ORCID: 0000-0001-7009-8179

vkudashov@mail.ru

Аннотация

Статья является ответом на программное заявление профессора Н.С. Розова, предлагающего пути развития сибирской философии с потенциалом преодоления ее «провинциализма» и «туземства» и превращения в «столичную» науку. Обозначая проект Розова как прагматический, авторы выделяют преимущества предложений формирования философской сети Сибири путем поиска научных «глубинных затруднений» и их обсуждения с выходом на контакт со «столичной» наукой. Эта философская сеть опирается на создание тематического единства, общего поля философии и «точек входа» в него. Будучи реализованным, проект способен увеличить интеллектуальный ресурс сибирской философии и интенсифицировать обмен с другими философскими сетями. К проблемам проекта Розова относится использование навязанного, ценностно насыщенного языка концептов «провинциальной» и «туземной» науки, обесценивающего собственное философское творчество сибирских авторов на основании их тематической независимости от научных «столиц», незаинтересованности «столиц» в диалоге по «нестоличной» тематике. Методологическая основа проекта в целом характеризуется «социологическим редуccionизмом», сведением философской деятельности к социальным отношениям статуса, стратификации, философской инфраструктуры. Недостаток подобного подхода в том, что принятый как максима поведения, он поглощает внутренние факторы развития философии – свободу выбора темы исследования и ориентации на получение знания, а не социаль-

ного признания. Авторская версия «третьего пути» сибирской философии, несводимого к «провинциализму» и «туземству», заключается в усилении акцента на личностном аспекте философского творчества. Признание и интеллектуальные ресурсы при этом видятся не целью и средством, а важным, но необязательным результатом диалога философов Сибири между собой и со «столицей», основанного на совместном интеллектуальном служении внутренней потребности к познанию. Третий путь видится как создание философской сети, служащей «любви к мудрости», не сводимой к тем или иным социальным отношениям, сопровождающим философию.

Ключевые слова: сибирская философия, «столичная», «туземная», «провинциальная» наука, прагматический проект, диалог, философская сеть, «слышимость» философии.

Библиографическое описание для цитирования:

Илларионов Г.А., Кудашов В.И. Прагматический проект сибирской философии: pro et contra // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 1. – С. 39–56. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-39-56.

Введение

В статье «Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть “провинциализм” и “туземство”» известный новосибирский философ профессор Н.С. Розов выдвигает идею превращения Сибири в один из центральных узлов мировой философской сети. Статья, служащая одновременно критической программой и призывом к дискуссии и действию, понятийно основана на концепции «провинциальной и туземной науки» [15], перенесенной на сферу сибирской философии. Придерживаясь этой понятийной системы и откликаясь на призыв к дискуссии, мы предлагаем свои суждения о зарождающемся проекте. В силу общей эмоциональной окрашенности темы и явной пристрастности любого сибирского философа в разговоре о себе оговорим, что и наше рассуждение не лишено некоторой пристрастности.

Хотя сам Н.С. Розов не обозначает заявленный им проект как прагматический, на наш взгляд, вполне корректно называть его таковым. Сибирская философия желает большего престижа, влияния и ресурсов, материальных и интеллектуальных, и ищет пути их получения. Вероятнее всего оценить данную интенцию как прагматическую. Рефлексивно оценивая общую методологию нашей мысли, можно отнести ее к «провинциальной», включенной в контекст популярных дискурсов современности, что, впрочем, лишь подтверждает выводы профессора Розова о характере красноярской философии. Но наше мнение в целом будет выглядеть, скорее всего, своеобразной феноменологией «туземной» мысли о себе в связи с предложенным проектом.

Pro

Н.С. Розов пишет о преимущественно «провинциальном», ориентирующемся на центры «столичности» характере философии Новосибирска и Томска и доминировании «туземных» традиций в философии прочих сибирских городов. Наш собственный опыт «туземной философской жизни» и станет опорой в аргументах в пользу проекта. При этом мы не претендуем на то, что экстраполяция личного опыта сибирской философской жизни является основанием для строгих общих выводов о ней. Он, однако, позволяет обозначить проблемные моменты, важные в нашем суждении.

Красноярское философское сообщество в полном согласии с мыслью Розова можно назвать группой одиночек. Философское одиночество выражено в разнородной многообразности тематик и методологий, которыми руководствуются красноярские философы. Они занимаются философскими проблемами сознания – обыденного [9, 19], религиозного [6, 7]. Имеются работы натуралистической [20], логико-лингвистической [3], социально-политической направленности. И это лишь начало списка (приведение его целиком излишне из-за его объемности), отражающего далеко не всю палитру дифференциации красноярских философов. Опыт показывает, что такое разнообразие носит скорее экстенсивный характер. Различие методологий и интересов оказывается разъединяющим фактором, позволяющим лишь временную коллаборацию, не переходящую в устойчивую совместную научную деятельность. Духовные фигуры основателей (в нашем случае это Альберт Янович Райбекас) служат скорее морально-нравственным ориентиром, нежели методологической опорой мысли, их философское наследие не становится основной опорой для работ «туземцев».

Что же объединяет столь эклектичное сообщество, кроме топологически детерминированных личных связей? Это прежде всего внешние, формальные факторы – общность профессиональной деятельности, принадлежность к образовательным учреждениям. Участие в философском сообществе для «туземцев» является в большей степени средством экономического обеспечения, чем исследовательской потребностью. Отношение университетской системы к философскому сообществу выражается преимущественно в оценке философской деятельности согласно бюрократически организованным критериям наукометрии. Административным структурам не особенно интересна смысловая часть, основное значение имеют количественные, проверяемые параметры. Поэтому можно говорить о «макдональдизации» формально понимаемой философской деятельности, основанной на функциональных принципах «Макдональдса» – стремлении к эффективности, просчитываемости, предсказуемости и кон-

тролю [11, с. 224]. Университет вознаграждает только то, что может быть проверено, – количество учебных часов и научных публикаций, потому что не способен судить о качестве. Продолжая метафору сообщества «туземцев», сибирские философы поклоняются разным «богам», но собираются вместе для совершения необходимых ритуалов учебной и научной деятельности, за счет которой они кормятся.

Понимая свою разобщенность и даже желая ее преодолеть, сибирские философы испытывают трудности, поскольку этим желаниям не способствует как формальная среда по причине ее бюрократизации, так и неформальная среда по причине ее тематической, методологической и мировоззренческой фрагментации. И именно в организационной направленности мы видим ценность проекта профессора Розова. В прагматическом проекте развитие сибирской философии предполагается через сетевое взаимодействие как на локальном уровне, так и путем включения в более широкие, даже общемировые философские сети.

В чем преимущество сетевой структуры? Первым преимуществом является ее открытость. Нельзя сказать, что сибирская философия избыточно герметична. Напротив, она стихийно, хаотично открыта. Однако в сибирской философии нет организованных «точек входа». С одной стороны, формальной и необходимой препоной к вступлению в ряды академического философского сообщества являются процедуры аттестации, хотя зачастую они оценивают не столько философское содержание, сколько включенность в социальные практики научных ритуалов. Это не исключает саму философию, но необязательно предполагает ее. С другой стороны, в путях мысли собственно философской начинающие «туземцы» предоставлены сами себе, не имея институционализованного входа в академическую философию. Во многом именно этим объясняется тематическая и методологическая разобщенность: каждый «входит» в философию из разных пространств, и конечный результат столь разнороден, что «туземцам» непросто найти общий «метаязык». Это можно охарактеризовать как своеобразную «ризому» сибирской философии. Парадоксальным образом «туземная философия» оказывается излишне формализована и недостаточно институционализована одновременно.

Сетевая структура открыта, но вместе с тем организована. В отличие от иерархической структуры, где отношения подчиненности господствуют над личностным философским началом, в сети первичны сами ее узлы – в нашем случае философы. Формальные и неформальные отношения в сети трудноразделимы в отличие от иерархии, где отношения подчинения и субординации господствуют над личностями. В силу этого сеть позволяет обойти бюрократические проблемы формализации философии, и если не снять, то смягчить их влияние. Не будучи бюрократизированной,

сеть и не хаотична. В отличие от формальной университетской организации она обеспечивает не только соблюдение некоторых наукометрических и статусных параметров, но и контроль качества и интеграции смыслового контента. Сеть служит структурой, которая не только обеспечивает интеллектуальный ресурс начинающего философа, но и определяет точки приложения этого ресурса. Это выгодно отличает сеть от племени «туземцев», где интеллектуальный ресурс расплывается именно потому, что каждый из «туземцев» пришел в философию своим таинственным путем, не имея объединяющего начала, общей «точки» и способа входа. Горизонтальность сети не оставляет философа один на один с его творчеством, но и не ставит его в жесткие бюрократические рамки.

Разумеется, сетевая структура не лишена недостатков. Как отмечает В.С. Диев, «групповые, коллективные решения... могут обладать и целым рядом недостатков. Первый, и зачастую главный, заключается в том, что группа обычно затрачивает на принятие решения большее количество времени, чем одно лицо» [4, с. 132]. Но такой недостаток компенсируется преимуществом сетевой организации, выражаемым в ее лучшем соответствии характеру философской деятельности. Согласно приведенному в той же статье профессора Диева исследованию, «психологами установлено, что иерархические группы лучше решают так называемые хорошо определенные (детерминистические) задачи и хуже — неопределенные, вероятностные. Для групп с отсутствием иерархии обнаружено противоположное соотношение» [4, с. 135]. Философские проблемы можно с уверенностью отнести к неопределенным, вероятностным, что является еще одним свидетельством преимуществ сетевой организации философского сообщества.

Еще одной практической проблемой «туземной» философской жизни Сибири, затронутой Н.С. Розовым, является тот подтверждаемый нами факт, что сибирские философы не читают и не цитируют друг друга. Помимо банальной лени, мы видим и другую причину, и иной полезный потенциал для сибирской философской сети. Речь идет о широко обсуждаемом во многих вариациях «синдроме информационной усталости», при которой «информационная перегрузка возникает в результате несоответствия количества поступающей информации возможностям ее восприятия и переработки» [14, с. 116]. Этот синдром, по мнению доктора медицинских и социологических наук, профессора А.Ф. Сокола, «имеет все признаки реальной болезни» [14, с. 119]. Человек информационного общества не способен адекватно охватить всей полноты поступающей информации. Это верно даже на уровне публикаций по философии, каковые выходят ежегодно в огромных количествах, с широчайшим разнообразием тематик, языков и национальных философских традиций. Справить-

ся с таким объемом информации нереально, и сохранить рассудок можно только сузив круг читаемых текстов. Что может быть для «туземца» критерием, по которому он отбирает тексты для чтения и цитирования? Он может ориентироваться на узкие рамки своей тематики и на «большие имена» классиков и популярных современных авторов, что может быть губительно для такой метапредметной области мысли, как философия.

Другой стороной данного затруднения становится поиск читателя собственных работ. Не будучи включенными в сети, работы сибирских «туземцев» легко теряются в информационном потоке публикаций. Избежать этой участи сравнительно легко могут только те из сибирских философов, кто уже в достаточной степени известен и именит. Это усугубляется и ориентацией учетной наукометрической системы на англоязычные библиографические базы данных, такие как WoS и Scopus, участие в которых всячески поощряется, дополнительно подталкивая «туземцев» туда, где у них мало шансов быть замеченными и прочитанными.

На наш взгляд, сибирская философская сеть, включенная ко всему прочему в сеть мировую, способна обеспечить работам сибирских философов больший вес, как минимум в локальных рамках. Эта сеть тематически и локально способна стать поставщиком читателей для собственных членов, когда принадлежность к сети станет критерием отбора информации в философском творчестве. Такая своеобразная сетевая система «свой–чужой», где принадлежность к «своим» есть критерий высокого приоритета к ознакомлению, может при благоприятном развитии активизировать философский диалог на уровне Сибири, выводя его далее и на более широкие уровни, а «миссионеры» и «паломники» предотвратят самоизоляцию сети. Разумеется, описываемая нами картина является идеализированной и не учитывает множества сопутствующих факторов, однако всё же представляет возможные перспективы рассматриваемого проекта.

На индивидуальном уровне сетевой принцип организации сибирской философии обладает еще одним плюсом. Он обозначен профессором Розовым в виде призыва к «обязательным ритуалам признания достигнутых успехов в “слышимости”, что дает высокие уровни эмоциональной энергии, связанные с чувством своей правоты». Опыт сибирской философии свидетельствует о том, что формальные иерархические институты в ныне существующем виде в большей степени властвуют над философом, принуждают его к деятельности, причем поощрения и санкции носят преимущественно материальный характер. Но как бы философы не любили материальные блага, наблюдается явный дефицит эмоциональных поощрений, которые остаются лишь на уровне личного общения, не переходя на уровень институтов. В системе практики публичных ритуальных поощрений возможно дополнить эмоциональные способы воздействия своеоб-

разными «поглаживаниями», эмоциональными транзакциями в духе психологической концепции Э. Берна [1]. Помимо удовлетворения, это будет мотивировать сибирских философов к общению, поскольку помимо интеллектуального обмена они станут друг для друга и источником своеобразного «наслаждения». Сеть может восполнить эмоциональный дефицит сибирской философии вполне организованным способом, хорошим примером чего в последнее время стало ежегодное проведение Сибирского философского семинара.

Еще одной позитивной потенцией прагматического проекта сибирской философии может быть рост авторитета и престижа философии в самой Сибири. Наш субъективный опыт говорит о третьестепенном значении философской мысли в культуре Сибири, при преобладании пренебрежительного примитивно-обывательского понимания ее как «науки о размышлении» или «науки о смысле жизни». Если в духе рыночных отношений представить философию в виде некоего «бренда», то в Сибири его можно назвать непопулярным и непрестижным. При этом нельзя сказать, что Сибирь вообще богата известными культурными брендами. В этом смысле сибирская философская сеть, успешно созданная и завязывающая отношения с более крупными и известными сетями, могла бы не только повысить свой статус в культурном пространстве, но и повысить престиж самой Сибири, став одним из ее брендов.

Подводя итог нашим соображениям, свидетельствующим в пользу проекта Розова, укажем, что все они идут во вполне прагматическом духе, что выражается в направленности на создание адекватной среды деятельности современных философов Сибири – «туземцев» и «провинциалов», способствующих реализации их целей.

Contra

Рассмотрев плюсы проекта профессора Розова, перейдем к минусам. Помимо поддержки идей Н.С. Розова, высказанных выше, наш опыт философствования послужил основанием и для ряда возражений. Как он замечает в начале своей статьи, его подход не ограничен индивидуальным уровнем философствования, «особенно прокламируемого в персоналистских, экзистенциалистских учениях». Можно предположить понимание Розовым того, что значительная часть возражений его подходу будет поступать именно с позиций персонального уровня философствования.

Первое возражение связано с методологической основой проекта, концептами «провинциальной» и «туземной» науки. Эти термины, представленные в исследовании М. Соколова и К. Титаева [15], отражают социологическую трактовку состояния российской науки, опирающуюся на коммуникационное понимание научной деятельности. Такой подход демон-

стрирует явный социологический экстернализм, скрыто и явно утверждая, что характер научной деятельности выражает суть коммуникативных структур, в которые ученый, как актер, включается посредством определенных форм коммуникации. Поэтому науку можно представить в виде набора устойчивых габитусов «научного разговора», которые обозначены как «столичный», «провинциальный» и «туземный».

«Столичность» определяется в статье как принадлежность к «миру, который в данную историческую эпоху обладает интеллектуальной гегемонией и становится столицей». Как может быть определена интеллектуальная гегемония? Количественно столичность может быть определена величиной «слышимости», иными словами, «столица» – это наука, где не только много «говорят», но и о которой много «говорят» вовне. Но есть ли качественное определение «столичности»? На ум приходит очевидное – в «столице» говорят о наиболее важном. Но, что примечательно, Соколов и Титаев обходят стороной эту тему, подчеркивая: «...мы не будем обсуждать здесь развернуто, что вообще стоит за восприятием одного разговора как более важного, чем другой, особенно в дисциплинах с крайне размытыми критериям важности» [15, с. 250].

Таким образом, «столичность» есть популярность, обсуждаемость. Качество познавательной деятельности, определяемое через количественно понимаемую «столичность», диктует отношение тождественности между слышимостью и важностью. Вырисовывается структурное отношение: «то важно, что слышимо, и что не слышимо, то неважно». Имеет ли такой подход когнитивную ценность? Вполне, поскольку служит раскрытию структур научной коммуникации, ее механизмов и проблем на уровне российской науки. Однако, помимо познавательного аспекта, этот подход имеет и ярко выраженный ценностный характер: концепция «туземной» и «провинциальной» науки в изложении Соколова и Титаева проникнута пафосом обличения пороков российской науки. Действительно, едва ли кто-то не согласится с тем, что явные фальсификации, самодовольство и формализованная профанация научной деятельности являются животрепещущими проблемами. Однако мы замечаем и просветительский пафос, и столичное самолюбование, выраженные в таких цитатах: «на глазах авторов многие начинавшие как провинциалы приходят к отстаиванию неизбывной ущербности импортных теорий в объяснении отечественных реалий – теме, по которой безошибочно опознается просвещенный туземец» [Там же, с. 272].

Даже сама терминология направлена на подчеркивание рыночного превосходства «слышимости». Это позволяет нам отметить, что «туземность» и «провинциальность» есть не только умозрительные «идеальные типы, абстракции моделей поведения» [Там же, с. 252], но и ценностные

ориентир. Эти ориентиры призваны не только объяснить структуру российской науки, но и превратить ее оценку в дискурс, подчеркивающий малозначимость всего, что не является столичным (хотя бы «локально-столичным»), как Москва и Санкт-Петербург выступают столицами «российской научной провинции»). В подходе М. Соколова и К. Титаева мы можем выделить ценностный вывод, имплицитное послание, призыв «туземцев» к подчинению и принятию столичного дискурса.

В чем проблема такого дискурса в рамках проекта профессора Розова? Принимая колониально-просветительский язык иерархии столиц, провинций и туземных сообществ, мы едва ли можем говорить о некоторых горизонтальных сетевых отношениях, на созидание которых и направлен прагматический проект. Фактически, принимая подобную систему ценностей как максимум поведения сибирских философов, мы лишь укрепляем навязанную иерархию ценностным ее признанием. Анализируя методологический подход к науке и философии, используемый Н.С. Розовым, который опирается преимущественно на социологическую теорию Р. Коллинза и концепты М. Соколова и К. Титаева, мы можем выделить в них две определяющие черты.

1. «Социологический редукционизм». Под этим мы подразумеваем объяснительные модели, сводящие поведение ученых в науке и саму науку к социальному взаимодействию, движителем которого выступает борьба за признание и престиж. Так, опираясь на идеи Коллинза, Розов пишет, что «главной социальной мотивацией интеллектуала является повышение собственной репутации среди значимых коллег». Философия в таком смысле может быть понята как способ борьбы за социальный престиж и соответствующие блага: на уровне индивидуальном – борьба философов между собой, на уровне групповом – борьба за престиж школ, кружков и национальных традиций, на уровне социальных институтов – борьба за престиж самой философии относительно иных культурных и социальных институтов.

Как пишет в критическом отзыве о концептах «туземной» и «провинциальной» науки В.В. Напольских, «для поддержания такого состояния дел не нужны никакие научные инструменты и институты, необходима лишь группа людей, которая безоговорочно приняла бы данное знание и для которой данные представления являются мировоззренческим руководством... невозможно существование индивидуального знания и отдельных ученых как лиц свободной профессии: необходима осознанная и декларируемая принадлежность к “школе”, “научному направлению”, “коллективу”» [10, с. 91]. Социологическая редукция, принятая как максима поведения философа, ведет к подавлению прочих аспектов философской деятельности, прежде всего личностного и когнитивного. Задача учено-

го – быть «слышимым», задача института – стратифицировать ученых. Это, на наш взгляд, ведет лишь к надстройке еще одной, пусть даже неформальной, административной структуры в дополнение к уже имеющимся формальным. Это суждение можно подытожить остроумной сентенцией А. Азимова: «Бюрократия разрастается, чтобы удовлетворять нужды разрастающейся бюрократии», вполне применимой к социологически редуцированной науке, если слово «бюрократия» заменить на слово «наука».

2. «Метафизический метафоризм». В рамках критики концептов М. Соколова и К. Титаева многие комментаторы, в том числе и профессор Розов, отмечают значение метафоры разговора как основания концепции [8, 12]. Метафора разговора проничным образом выражает гораздо больше, чем риторическую форму изложения. Она выступает метафизической концептуальной основой как минимум в силу того, что сама не может быть опытно или логически обоснована. Как возражает С.А. Ушакин, метафора разговора при замене ее на метафору текста значительно меняет всю концептуальную основу понимания «туземной» и «провинциальной» науки [18, с. 177]. Метафора, служа риторическим средством изложения собственной концепции, «захватывает» ее, превращаясь из средства языкового выражения в метафизическое основание, умозрительную спекуляцию с позиции декларируемой эмпирики.

Схожая особенность наблюдается и в прагматическом проекте Н.С. Розова. Так, метафора «науки, бросающей вызов», не используется им в рассматриваемой нами программной статье, однако о ней он говорит в своем ответе Соколову и Титаеву [12, с. 129]. Метафора соревнования за право быть на «переднем краю науки» достаточно привлекательна и предполагает, что отстающий должен лишь овладеть «оружием» текущего чемпиона, научной «столицы», и превзойти его. Однако такая метафора базируется на метафизической убежденности в кумулятивном характере науки, наличии у нее определяемого «переднего края» и подразумевает возможность «поединка». В ответе Е.А. Гаповой Соколову и Титаеву приведена интересная иллюстрация на тему возможности такого поединка [2, с. 31]. Смысл в том, что предоставленная неким автором научная работа, посвященная гендерной лингвистике на материале Беларуси, будучи признанной отвечающей требуемому уровню качества и научности, была отвергнута к публикации по причине отсутствия интереса к белорусскому материалу. О чем говорит такой пример? О том, что наука, обладающая более высоким статусом, вовсе не обязана принимать вызов, более того, она имеет возможность отклонить его как не отвечающий ее представлениям о важности того или иного исследования. Вызов подразумевает принятие ценностей, языка «столицы», а значит, заведомое обесценивание всего, что «столице» не интересно.

На наш взгляд, попытка Сибири претендовать на «столичность» на условиях «столицы» будет приводить лишь к миграции «слышимых» ученых и еще большему снижению ценности «нестоличных». Так, весьма уязвимым местом проекта сибирской философии профессора Розова выглядит идея «паломничества». Какова мотивация «паломника»? «Туземцы», становясь «провинциалами» и отправляясь в «столицы», стремятся поднять свой статус «провинциала» до «столичного». В таких условиях не видно причин, по которым в случае успеха новоявленный «столичный» ученый или философ будет заинтересован вернуться в «провинциальную» среду. В российских же условиях это означает лишь усиление уже имеющейся научной миграции в «столицу», и отнюдь не только российскую. «Паломничества» способны изменить статус и поднять престиж отдельных, наиболее успешных сибирских философов. Сами же отношения «столица–провинция» лишь укрепятся, повторяя интеллектуальные версии отношений «колония–периферия». И проявление такого интеллектуального колониализма видится в копировании «столичной» тематической повестки. Поиск «глубинных затруднений», будучи прагматической попыткой завязать философский разговор со «столицей», в «столично-провинциально-туземном» дискурсе превращается в заискивающий поиск одобрения «столицы», обретение «значимости» для нее.

Последнее возражение, которое мы приведем, носит откровенно эмоционально-экзистенциальный характер. Неужели сибирская философия должна признать в структуралистском духе, что власть структур над ней – коммуникативных, «столично-провинциальных», академическо-капиталистических – абсолютна? И мыслители Сибири не имеют иных альтернатив, кроме подчинения и использования этими структурами? Или остается лишь впасть в горделивое ничтожество, превратившись в «туземный» материал, подлежащий освоению и вытеснению значимой «столичной» мыслью? Ведь если мы безоговорочно примем принцип тождества слышимости и важности философской мысли, мы принимаем и вывод о том, что наша «туземная» мысль не может обладать никакой самостоятельной ценностью, не зависящей от внешней оценки. В такой системе ценностей сибирский философ обречен на вечный поиск одобрения со стороны «больших имен» из «великих столиц». Подобный крайний экстернализм, призывающий игнорировать внутренние причины и основания к творчеству сибирских философов, ставит ее в позицию «вечного» догоняющего.

На наш взгляд, главный экзистенциальный риск, который несет в себе проект сибирской философии профессора Розова, заключается в вынужденной тематической подчиненности. Темы, которые предложены в качестве «глубоких затруднений», являются и актуальными, и всячески достойными их изучения. Но если сибирская философия будет следовать логи-

ке внешней актуальности, жертвуя при этом актуальностью, исходящей из собственных субъективных, пусть и «туземных» причин, то она скорее окончательно потеряет себя, чем найдет.

Третий путь

Мы считаем, что прагматический проект сибирской философии обретает смысл только в случае его ухода из навязанных рамок «провинциально-туземного» дискурса. Всецело поддерживая идею расширения и углубления диалога, выявления «глубоких затруднений», а также создания и упорядочивания философской сети, облегчающей философский путь большинства мыслителей Сибири, мы не можем согласиться с тем, что «слышимость» и признание в «столицах» есть наилучшее средство для этого.

Продолжая ряд метафор, осмелимся предложить свою собственную метафору «обмирщения». Ученые, подобно монахам приходящего в упадок монастыря, поглощены вопросами собственного статуса среди мирян (популяризация науки) и других монастырей (статус научных школ, подходов и кружков), хозяйственной деятельностью монастыря (научная инфраструктура), соблюдением ритуалов (формальные признаки научной работы – публикации, участие в конференциях, конгрессах и дискуссиях), монастырской иерархией (процедуры получения научных званий, степеней и неформального авторитета). И постепенно второстепенные, мирские заботы поглощают первоначальную цель монастыря – укрощение собственных страстей (невежества и незнания) ради служения Творцу (познание и преобразование природы, общества и человека), смирение уступило место блеску мирской славы. Размышляя над своим упадочным положением, монахи ищут его разрешение в попытках стать богаче, влиятельнее или престижнее. И спорят о том, чего им недостает: строгого соблюдения ритуалов (требования соответствия тем или иным научным методологиям, в нашем случае – позитивистских), связей с Римом (разговора со «столицей») или уважения других монастырей (сетевые связи внутри философии)? Иными словами, «обмирщение» науки и философии – это ее редукция к тем или иным ее аспектам – социальным, экономическим, политическим, приводящая к подмене ценностно-ориентированной познавательной деятельности тем отношением, к которому мы науку и философию сводим.

«Третьим путем» нам представляется рефлексивно осмысленный возврат к познанию ради него самого, ради «истины», которую искал Сократ, ради торжества знания над невежеством, сколь бы метафизичной и неверифицируемой такая интенция ни являлась. Это можно обозначить как возврат к интерналистскому пониманию науки и философии. «Третий

путь» между «туземством» и «провинциализмом» видится нам как путь интеллектуального служения и смирения, когда сибирская философия станет служить не собственному признанию, престижу и власти, а истине, познанию, благу. Служение означает, что не знание существует ради научного сообщества, а научное сообщество формируется вокруг поисков знания, и обретение «слышимости» и интеллектуального ресурса есть не цель и не средство, а результат научной деятельности.

Смирение же означает признание, что социальная успешность не есть первоочередная необходимость и потребность научной деятельности, и философ лишь тогда сможет добиться успеха, когда останется философом независимо от того, слушают ли его, построена ли вокруг него инфраструктура и признают ли его таковым социально. Интеллектуальное смирение проявляется в осознании возможности своей интеллектуальной ошибочности, которое приводит к открытости и пересмотру своих позиций, в отсутствии самоуверенности в своих знаниях, уважении к точкам зрения других людей, а также в отсутствии боязни интеллектуального разногласия. Современные философы определяют интеллектуальное смирение как «стремление к овладению своими интеллектуальными ограничениями». Наиболее отличительной чертой этих ограничений является необходимость быть внимательным к своему стилю мышления и умение управлять своим интеллектуальным потенциалом, а также чувство собственного достоинства [21, р. 12]. На наш взгляд, интеллектуальное смирение не просто противостоит гордыне, но занимает срединное положение между крайностями – высокомерием, интеллектуальной заносчивостью, с одной стороны, и самоуничижением, неуверенностью в себе – с другой [19].

Заключение

Как можно заметить, наши рассуждения о достоинствах и недостатках проекта сибирской философии Н.С. Розова развиваются в двух измерениях: о преимуществах мы говорим в прагматическом, деятельностном аспекте; о недостатках же мы судим в ценностной сфере. Проект присоединения Сибири к философским сетям через «паломничества», «миссионерство», вступление в «беседы» и обсуждение «глубоких затруднений» представляется достойным путем развития и способом преодолеть формализованную инертность и «ризоматическую» хаотичность габитуса сибирской философии. Однако заимствование ценностных акцентов, встроенных в «столично-провинциально-туземный» дискурс, описывающий взаимоотношения внутри сферы философского творчества в контексте «метрополия–колония», цивилизаторства и даже некоторого «столичного цивилизационного превосходства», представляется путем, скорее, к ослаблению сибирской философии, подавлению ее внутренней, личностной интенции.

Концепты «туземной» и «провинциальной» науки представляются структурно схожими с классическими концептами «зелотизма» и «иродиадства» теории цивилизации А. Тойнби [17]. Понимаемые как способы ответа на исторический вызов, они переложены на проблемы российской науки, рассмотренной через коммуникационную призму метафоры науки как разговора. Если продолжить ряд метафор, зелоты были разгромлены столичной греко-римской культурой. Однако, пройдя через бесчисленные трансформации и испытания, иудейская традиция всё еще жива, между тем как наследие эллинов существует лишь в виде «строительного материала» для культур, пришедших после них. Так можем ли мы судить о том, принесет ли «туземцам» их относительная замкнутость забвение и затухание и принесет ли процветание «провинциалам» их стремление перенять лучшее у «гегемонов»? Должны ли мы жертвовать личным живым внутренним интересом к самостоятельным поискам тем и проблем философии для того, чтобы удовлетворить вполне объяснимое желание быть «услышанным»?

Проект профессора Розова и наша реакция на него, независимо от позитивного или негативного ее содержания, показывает, что сибирская философия, или как минимум часть ее, испытывает внутреннюю потребность в изменении. И реализация прагматического проекта через разговор с другими философиями может быть путем, который позволит сибирской философии стать чем-то иным, несмотря на все экзистенциальные риски, которые проект содержит. Однако если проекту суждено реализовываться, важно не потерять в социальных поисках статуса, престижа и ресурса личностный уровень внутренней, в какой-то мере иррациональной интенции «любви к мудрости».

Литература

1. Берн Э. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы; Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. – М.: Фаир-Пресс, 2003. – 480 с.
2. Гапова Е.А. В поисках утраченного пути // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 30–37.
3. Григоренко Е.В. Антиреализм как концепция интерпретации и понимания языка в философии позднего Л. Витгенштейна и Н. Гудмена // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 122–131.
4. Диев В.С. Управление университетом в условиях академического капитализма: иерархия или сеть? // Идеи и идеалы. – 2017. – № 1, т. 1. – С. 128–135.
5. Диев В.С., Иванов А.В., Разумов В.П. Философия Сибири (к постановке проблемы) // Вестник Омского университета. – 2014. – № 4 (74). – С. 76–83.
6. Излученко Т.В. Проявление диалогичности в религиозном сознании // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2012. – № 1. – С. 193–197.

7. Кудашов В.И. Мера диалога при религиозном сознании // Диалог культур и вызовы современной эпохи. – М.: Канон+, 2019. – С. 338–349.
8. Могильнер М.В. От «трехчленки» к «третьему пути»: апология the middle ground // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 74–87.
9. Мосиенко М.К., Илларионов Г.А. Проблема рисков дисфункции обыденного сознания в контексте посттрадиционного общества // Социодинамика. – 2017. – № 3. – С. 90–100.
10. Натольских В.В. Форум «Провинциальная и туземная наука» // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 88–94.
11. Никитин А.П. Макдональдизация высшего образования // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 2. – С. 221–332.
12. Розов Н.С. Путь к «столичности» – наука, бросающая вызов? // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 122–131.
13. Розов Н.С. Русская философия в поворотах истории: фатальна ли периферийность? // Философия и общество. – 2016. – № 3 (80). – С. 96–115.
14. Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. Синдром информационной усталости: пути и методы его предупреждения // Акмеология. – 2017. – № 1 (61). – С. 116–118.
15. Соколов М., Гитаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 239–275.
16. Соколовский С.В. Гуманитарная научная дисциплина: ремесло, языковая игра, форма жизни или манера письма? // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 155–160.
17. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1995. – 489 с.
18. Ушакин С.А. Наука: вещь в себе и вещь для себя // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 176–188.
19. Kudashov V., Mosienko M. Intellectual Humility in Public Discussion // KnE Social Sciences. – 2018. – Vol. 3 (7). – P. 384–393.
20. The Desynchronization of the Interaction Magnocellular and Parvocellular Visual Pathways is the Biomarker of Stress / I. Shoshina, E. Zavyalova, R. Sergienko, A. Gruzdev, E. Potapova, T. Skutina, E. Fedorenko, V. Karpinskaia // Perception Perception. – 2019. – Vol. 48. – P. 42.
21. Intellectual Humility: Owning Our Limitations / D. Whitcomb, H. Battaly, J. Baehr, D. Howard-Snyder // Philosophy and Phenomenological Research. – 2017. – Vol. 94 (3). – P. 509–539.

Статья поступила в редакцию 15.10.2019.

Статья прошла рецензирование 10.11.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-39-56

PRAGMATIC PROJECT OF SIBERIAN PHILOSOPHY: PRO ET CONTRA

Illarionov Grigory,

*Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor
Department of Philosophy, Siberian Federal University,
79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1676-3796
bromov1917@yandex.ru*

Kudashov Vyacheslav,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,
Head of the Department of Philosophy, Siberian Federal University,
79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7009-8179
vkudashov@mail.ru*

Abstract

The article is a response to the policy statement of Professor N. Rozov, proposing ways of developing Siberian philosophy with the potential to overcome its 'provincialism' and 'indigeneity' and turn it into a 'metropolitan' science. Designating Rozov's project as pragmatic, the authors highlight the advantages of the formation of the philosophical network of Siberia and searching for scientific 'underlying difficulties' and discussing them in close contact with 'metropolitan' science. This philosophical network is based on the creation of a thematic unity, a common field of philosophy and "entry points" into it. Being implemented, the project is able to increase the intellectual resource of Siberian philosophy and intensify the exchange with other philosophical networks. Problems of the Rozov's project include the use of the imposed, value-loaded concepts of 'provincial' and 'indigenous' science, which depreciate the philosophical work of Siberian authors on the basis of their thematic independence from scientific 'metropolis' and disinterest of the 'metropolis' in the dialogue on 'non-metropolitan' topics. The methodological basis of the project as a whole is characterized by 'sociological reductionism', the reduction of philosophical activity to the social relations of status, stratification, philosophical infrastructure. The disadvantage of this approach is that, taken as a maxim of behavior, it absorbs the internal factors of the development of philosophy - the freedom to choose a research topic and focus on obtaining knowledge rather than social recognition. The authors' version of the 'third way' of Siberian philosophy, which is not reducible to 'provincialism' and 'indigeneity', is to strengthen the emphasis on the personal aspect of philosophical creativity. At the same time, recognition and intellectual resources are seen not as a goal and means, but as an important but optional result of the dialogue of the philosophers of Siberia with each other and with the 'metropolis', based on joint intellectual service of the inner need for knowledge. The third way is seen as the creation of a philosophical network that serves

the ‘love of wisdom’, not reducible to one or another social relationship that accompanies philosophy.

Keywords: Siberian philosophy; ‘metropolitan’, ‘indigenous’, ‘provincial’ science; pragmatic project; dialogue; philosophical network; ‘audibility’ of philosophy.

Bibliographic description for citation:

Illarionov G., Kudashov V. Pragmatic Project of Siberian Philosophy: Pro et Contra. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 1, pp. 39–56. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-39-56.

References

1. Berne E. *Lyudi, kotorye igrayut v igry: psikhologiya chelovecheskoi sud'by; Igrы, v kotorye igrayut lyudi: psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnoshenii* [What do You Say after You Say Hello: The Psychology of Human Destiny; Games People Play: The Psychology of Human Relationships]. Moscow, Fair-Press Publ., 2003. 480 p. (In Russian).
2. Gapova E.A. V poiskakh utrachennogo puti [In Search of the Lost Path]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2013, no. 19, pp. 30–37. (In Russian).
3. Grigorenko E.V. Antirealizm kak kontseptsiya interpretatsii i ponimaniya yazyka v filosofii pozdnego L. Vitgenshteina i N. Gudmena [Antirealism as Method of Interpretation and Understanding of the Language in the Late Philosophy of L. Wittgenstein and N. Goodman]. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 122–131.
4. Diev V.S. Upravlenie universitetom v usloviyakh akademicheskogo kapitalizma: ierarkhiya ili set'? [University Management in the Conditions of Academic Capitalism: Hierarchy or network?]. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2017, no. 1, vol. 1, pp. 128–135.
5. Diev V.S., Ivanov A.V., Razumov V.I. Filosofiya Sibiri (k postanovke problemy) [Philosophy of Siberia (to the statement of the problem)]. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2014, no. 4 (74), pp. 76–83.
6. Izluchenko T.V. Proyavlenie dialogichnosti v religioznom soznanii [Manifestation of Dialogic Patterns in Religious Consciousness]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva = Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev*, 2012, no. 1, pp. 193–197.
7. Kudashov V.I. Mera dialoga pri religioznom soznanii [A Measure of Dialogue in Religious Consciousness]. *Dialog kul'tur i vyzovy sovremennoi epokhi* [Dialogue of Cultures and Challenges of the Modern Era]. Moscow, Kanon+ Publ., 2019, pp. 338–349.
8. Mogil'ner M.V. Ot “trekhchlenki” k “tret'emu puti”: apologiya the middle ground [From the “Trinomial” to the “Third Way”: Apology of the Middle Ground]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2013, no. 19, pp. 74–87. (In Russian).
9. Mosienko M.K., Illarionov G.A. Problema riskov disfunktsii obyden'nogo soznaniya v kontekste posttraditsionnogo obshchestva [Post-Traditional Society:

- Common Mind Dysfunction Risk]. *Sotsiodinamika – Sociodynamics*, 2017, no. 3, pp. 90–100.
10. Napol'skikh V.V. Forum “Provintsial'naya i tuzemnaya nauka” [Provincial and Native Science]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2013, no. 19, pp. 88–94. (In Russian).
11. Nikitin A.P. Makdonal'dizatsiya vysshogo obrazovaniya [The McDonaldization of Higher Education]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 2, pp. 221–332.
12. Rozov N.S. Put' k “stolichnosti” – nauka, brosayushchaya vyzov? [Is the Path to Capitalism a Science that Challenges?]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2013, no. 19, pp. 122–131. (In Russian).
13. Rozov N.S. Russkaya filosofiya v povorotakh istorii: fatal'na li periferiinost'? [Russian Philosophy in the Turns of History: is Peripherality Fatal?]. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2016, no. 3 (80), pp. 96–115.
14. Sokol A.F., Shurupova R.V. Sindrom informatsionnoi ustalosti: puti i metody ego preduprezhdeniya [Information Fatigue Syndrome: Ways and Methods of its Prevention]. *Akmeologiya*, 2017, no. 1 (61), pp. 116–118. (In Russian).
15. Sokolov M., Titaev K. Provintsial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Native Science]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2013, no. 19, pp. 239–275. (In Russian).
16. Sokolovskii S.V. Gumanitarnaya nauchnaya distsiplina: remeslo, yazykovaya igra, forma zhizni ili manera pis'ma? [Humanitarian Scientific Discipline: Craft, Language Game, Life Form or Manner of Writing?]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2013, no. 19, pp. 155–160. (In Russian).
17. Toynbee A.J. *Civilization on Trial*. Oxford University Press, 1948 (Russ. ed.: Toinbi A. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii*. Moscow, Progress Publ., St. Petersburg, Kul'tura Publ., 1995. 489 p.).
18. Ushakin S.A. Nauka: veshch' v sebe i veshch' dlya sebya [Science: a Thing in Itself and a Thing for Itself]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2013, no. 19, pp. 176–188. (In Russian).
19. Kudashov V., Mosienko M. Intellectual Humility in Public Discussion. *KnE Social Sciences*, 2018, vol. 3 (7), pp. 384–393.
20. Shoshina I., Zavyalova E., Sergienko R., Gruzdev A., Potapova E., Skutina T., Fedorenko E., Karpinskaia V. The Desynchronization of the Interaction Magnocellular and Parvocellular Visual Pathways Is the Biomarker of Stress. *Perception*, 2019, vol. 48, p. 42.
21. Whitcomb D., Battaly H., Baehr J., Howard-Snyder D. Intellectual Humility: Owning Our Limitations. *Philosophy and Phenomenological Research*, 2017, vol. 94 (3), pp. 509–539.

The article was received on 15.10.2019.

The article was reviewed on 10.11.2019.